

Д.В. ВОРОБЬЕВ¹

¹*Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина (Мининский университет), Нижний Новгород, Российская Федерация*

ДИАЛЕКТИКА: МИФ ИЛИ БУДУЩЕЕ ФИЛОСОФИИ

Аннотация. Целью данной работы является критика диалектики Гегеля. Относительно того, что нам следует понимать под диалектикой, существуют, по крайней мере, две точки зрения. Согласно первой из них – диалектика это миф. Согласно другой – диалектика это реально существующая теория, которая отражает действительное положение вещей и является будущим философии. В соответствии с этой точкой зрения, сознание и действительность, проходят в своем развитии, так называемые, диалектические триады: тезис, антитезис и синтез.

Осуществляется критика гегелевского определения метафизики, которое он выводит благодаря отождествлению двух типов противоречий: логических противоречий, существующих и возникающих в сфере сознания и, так называемых, действительных противоречий, которые существуют в форме, к примеру, конфликта интересов, борьбы за выживание.

Ключевые слова: будущее философии, диалектика, метафизика, диалектическая триада, противоречие

D.V. VOROBIOV¹

¹*Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University, Nizhny Novgorod, Russian Federation*

THE DIALECTICS: MYTH OR THE FUTURE OF PHILOSOPHY

Abstract. The important aim of this work is a critique of dialectics of Hegel. Two point of view about the character of the dialectics are researched. Corresponding to the first at them, the dialectic is a myth. Corresponding to the second view, dialectics is a theory that reflects the real state of things and is the future of philosophy. According to this point of view, mind and reality are developing dialectical triad, which includes a thesis, antithesis and synthesis.

The definition of metaphysics of Hegel, which he creates by identifying two types of contradictions is criticized. Hegel identifies the logical contradictions that exist in mind and contradictions that exist in reality in the form of conflict of interests, the struggle for survival.

Keywords: the future of philosophy, dialectics, metaphysics, dialectic triad, a contradiction

Целью данной работы является критика диалектики Гегеля. Не диалектики как таковой. Не диалектики Гераклита, Платона и Николая Кузанского, но именно критика Гегеля. Можно тут же добавить, сказав, что эта цель обусловлена исключительно нашим желанием всем показать, и как можно нагляднее, что **диалектика – это миф**. Причем, миф опасный. Миф, который лишает способности самостоятельно думать, загоняя наше сознание в рамки привычных до боли шаблонов, знакомых нам с самого раннего детства. Что **диалектика – никакое это не будущее философии**. И даже не настоящее. И даже не прошлое. В том самом смысле, что диалектика – это то, чего не было. Нет. И, к великому счастью, не будет уже никогда. Речь идет, разумеется, о диалектике не как о науке. А о том, что должно быть предметом ее приложения. Как наука она, разумеется, есть, существует. Но как наука о «ни о чем». Как наука о том, чего нет. И потому всегда смешно очень слышать, когда речь заходит о, так называемых, защитниках диалектики. Поскольку сразу же

возникает вопрос: как можно стоять на защите того, чего нет? Защищать то, чего попросту не существует...

Итак, никакой диалектики не существует. А что же тогда существует, спросите вы? Что же мы изучали и проходили тогда в старших классах и институтах? Да и не только ведь мы, и до нас проходили. Без малого две сотни лет. Думать, что диалектики не существует – всегда неудобно. Ведь этим пичкали наши умы. Приводили примеры и говорили нам: вот она, диалектика. Видите, вот. Думать о том, что все это придумано Гегелем – неудобно весьма. И диалектика и метафизика. По крайней мере, в том самом виде, в котором мы понимаем сейчас метафизику благодаря опять же стараниям Гегеля. Но тогда возникает резонный вопрос: а как тогда думать удобно? И почему тогда думать как Гегель – это удобно, спросите вы? Потому, что думать чужими словами и мыслями – это удобно всегда. Потому, что за них не приходится отвечать. А тем более, если так думают все остальные. И еще потому, что так проще. Что же касательно разного рода примеров, подтверждающих истинность диалектики, или, лучше сказать, ее справедливость – то мы их рассмотрим подробно, в деталях. Более пристально и с большей определенностью несколько ниже. Забегая, однако, немного вперед, мы можем сказать, что все они, несмотря на свою простоту и наглядность, тем не менее, это не то, что могло бы сказать о достоинстве и справедливости диалектики как таковой. Словом, все эти отдельные случаи для диалектики – это весьма неудачный пример. Это то, что, скорей, говорит об обратном, не о достоинстве. Не в пользу ее. А во вред.

Все это следует отнести, скорее, к числу несуразностей. Но ведь и это далеко не вся история. Это, скорее, только начало. Или так, скажем, – первая часть со вступлением. Итак, диалектики нам говорят, что наше сознание в ходе своего развития и, в частности, в ходе построения какой-то научной теории или осуществления научного открытия – проходит, так называемую, диалектическую триаду. Сначала следует тезис. Некое утверждение или, лучше сказать, некая точка зрения, которая, рано или поздно, впадает в свою прямую противоположность. Трансформируется или попросту замещается новой теорией – своим антитезисом, который служит логическим отрицанием первой теории. Наконец, наступает момент, когда эти две точки зрения (обе эти теории) – в силу своей противоречивости – нейтрализуют и гасят друг друга, вступая в, так называемое, единство, в результате которого появляется третье. Так называемый, синтез. И это третье содержит в себе и первое, и второе в, так называемом, снятом виде. Однажды достигнутый синтез, в свою очередь, становится первой ступенью новой диалектической триады [9, с.518]. То есть, являясь тезисом, имеет свой антитезис. И тогда возникает новый синтез, который снимает их диаметрально противоположность друг относительно друга и содержит в себе оба этих момента в снятом виде, и который также становится новой первой ступенью... И так далее до бесконечности.

Понятно, что речь здесь пока лишь идет о сознании. И, в частности, о сознании в ходе его построения научной теории. Диалектика, по выражению Гегеля, есть движущая сила всякого научного развертывания мысли, всякого истинного научного познания [5, с.206]. Научная мысль, иными словами, должна разворачиваться диалектически. То есть, в ходе развития должна проходить диалектическую триаду. Итак, с точки зрения Гегеля, диалектика, как теория, говорит нам о том, что наше сознание – пока лишь только сознание – развивается диалектическими триадами, в основе которых находятся противоречия (между тезисом и антитезисом каждой из таких диалектических триад). Они-то, противоречия, и служат причиной такого развития. Есть «корень всякого рода движения и жизненности» [1, с.483]. И с этим все, кажется, ясно.

И вот здесь наступает в его рассуждениях достаточно важный момент. Далее он говорит нам о том, что диалектика применима не только к сознанию, являясь при этом принципом всякого действия, «любого движения, всякой жизни и всякой деятельности в сфере действительности» [5, с.206]. Все, что «нас окружает, можно рассматривать, как пример диалектики» [5, с.208]. Она имеет силу «во всех областях природного мира» [5,

с.208]. К примеру, в движениях планет или в природных стихиях. Она присутствует в «правовой и нравственной области» [5, с.209]. Она есть в политике. В народных пословицах и поговорках. Словом, везде, где только можно присутствовать. Всякая вещь, которая существует в действительности, уже противоречива сама по себе [1, с.483]. В том самом смысле, что обладает противоречием в себе же самой. Обременена ею же присутствием. Причем, это наличие не означает ее, этой вещи, ущербность. Напротив, оно есть источник ее, этой вещи, развития и любого иного движения. И лишь поскольку «нечто имеет в самом себе противоречие, оно движется, имеет побуждение и деятельно» [1, с.483].

Любое развитие и движение вещи обусловлено, прежде всего, потребностью этакой вещи выйти за рамки себя же самой и впасть в свое отрицание, перейти в свою противоположность [5, с.208]. Стать чем-то иным. Любое «в себе» заключается в том, чтобы быть одновременно другим, содержать свое отрицание. Поэтому всякая вещь всегда содержит в себе свое отрицательное, свою противоположность. К примеру, всякое тварное сущее уже содержит в себе зародыш собственной смерти [5, с.206]. Быть собой и одновременно другим, своим отрицанием – в этом и заключается всякое противоречие. Это и есть основная причина развития. Поскольку всякая вещь уже содержит в себе свое отрицание, свое же иное, то это всегда рождает потребность, выйти за рамки себя самого в область иного. В свое отрицательное. Рождает потребность стать чем-то иным, своим отрицанием. Осуществить свое инобытие. То, что уже изначально заложено в ней. А это и есть изменение, когда вещь переходит в иное. Когда вещь становится чем-то иным.

И что получается? А получается так, что не только сознание, но и весь мир развивается диалектически. И что в основе такого развития заложено противоречие, которое есть точно такое же противоречие, как и в случае с нашим сознанием. Но что означает: «точно такое же противоречие», спросите вы? Одно дело противоречие, которое возникает в сознании. И другое дело – противоречие, которое существует в действительности. И то, что одно существует в сознании, а другое в действительности – это уже говорит о различии. Быть может, под этакой фразой следует понимать соответствие? То есть, противоречие, которое существует в сознании, имеет предмет своего соответствия, конкретный аналог-эквивалент среди противоречий, которые существуют в действительности. Или речь идет все-таки об отсутствии всяких различий между одним и другим? То есть, именно об отсутствии? Чтобы развеять надежду, хочется сразу сказать, что в случае с Гегелем, речь идет именно об отсутствии всяких различий. Противоречие, которое существует в действительности – для него оно именно «точно такое же» противоречие, как и в случае с нашим сознанием. Для него – это суть то же самое. Почему это так? Хороший вопрос. Но на этот конкретный вопрос мы ответим несколько позже.

Но, если в действительности существуют точно такие же противоречия, что и в сознании – даже в том случае, если мы понимаем под фразой «точно такие же» лишь их соответствие – то это весьма неприятно. Поскольку приводит к весьма неприятным последствиям, идущим вразрез с законами логики. А, точнее сказать, с одним из этих законов. С законом противоречия, который никак нельзя устранить. Не изменить и не опровергнуть [6, с.123]. Говоря словами, Карла Поппера, утверждение о существовании противоречий в действительности и их соответствии противоречиям в нашем сознании – являет собой покушение на этот закон [9, с.521]. Тот самый закон, который правильно будет назвать не законом противоречия, а «исключения противоречий» [9, с.521]. Или, если быть более точным, «исключающим противоречия из нашей действительности». Тот самый закон, который, с точки зрения Гегеля, противоречит вполне очевидным фактам, поскольку мир полон противоречий. Ведь этот закон говорит нам о том, что только одно из двух диаметрально противоположных (противоречащих друг другу) суждений, высказанных об одном и том же предмете – может быть применимо к нему. Может ему соответствовать. Что ни одна пара противоречащих высказываний об одном и том же предмете (которая,

собственно говоря, и образует противоречие в нашем сознании) – не может соответствовать наблюдаемым фактам.

Итак, этот закон говорит нам о том, что ни одна, из так называемых, диалектических пар, состоящих из двух диаметрально противоположных (противоречащих друг другу) суждений-высказываний об одном и том же предмете – не может соответствовать ни одному из эмпирически наблюдаемых нами фактов. В том самом смысле, что ни одна из этих пар не может быть применима и соответствовать предмету суждения. Другими словами, этот закон говорит нам о том, что противоречие никогда не встречается среди реалий нашей действительности, то есть, опять же в реальности эмпирически наблюдаемых нами фактов. И что эти реалии нашей действительности никак не могут противоречить друг другу. Ни один предмет (окружающего нас мира) не может опять же быть черным и нечерным одновременно. Иметь какой-либо признак (быть черным) и не иметь этот признак (не быть черным) одновременно. Равно, как ни один предмет окружающей нас действительности не может противоречить другому предмету действительности.

Здесь можно, конечно же, возразить, задавшись вопросом: а разве противоречий не существует в действительности? В форме, к примеру, элементарной борьбы интересов. Или же в форме международных конфликтов. Или в форме, к примеру, разного рода противоположных тенденций, так часто встречаемых в нашей суровой обыденной жизни. И даже в форме элементарной борьбы за место под солнцем. Вот они, видите, – все это явные противоречия, которые существуют в действительности? Разве вам не достаточно этого? Разве вам не достаточно? Отрицать, одним словом, подобного рода явления – не сказать, конечно, что просто безумие. Однако же, все равно, что... ну, скажем, как отрицать очевидные вещи. Что трава, например, есть зеленая, а лошадь или свинья, если, конечно, эта свинья не калека, имеет четыре ноги. То есть глупо, неправильно и, в общем-то, просто нехорошо. Словом, такие дела...

Конечно, ошибочно утверждать, что так называемых противоречий – международный конфликт, борьба интересов... и т. д. – не существует в действительности. Да мы этого и не собираемся делать. Все это действительно есть, существует. И если под развитием или прогрессом понимать любое благоприятное изменение в сторону лучшего, то должно признать и тот самый факт, что зачастую такие противоречия являются источником прогресса. Ходить далеко за примером не надо. Наглядным примером тому является история двух мировых войн, когда тяжелая промышленность, каждой из воевавших сторон, в своем крайне коротком развитии шагала, что называется, семимильными шагами. Это есть неоспоримые факты, и глупо было бы спорить, утверждая обратное.

Словом, мы не отрицаем наличия этих противоречий действительности. Мы говорим лишь, что мы всегда должны понимать и всегда должны помнить о том, что, так называемые, действительные противоречия не могут иметь никаких отношений к логическим противоречиям. К тому, что подчас возникает в нашем сознании, и что мы в соответствии с терминологией формальной логики – называем «логическим противоречием». Мы говорим об отсутствии всяческих отношений. Именно отношений. Об этом, и только об этом. Все эти, так называемые, противоречия действительно существуют. Но не надо их путать с логическими противоречиями. Все это – суть абсолютно разные вещи. Мы говорим лишь о том, что не надо все валить в общую кучу. Как говорится, мухи отдельно... котлеты отдельно.

Мы говорим лишь о том, что ни одно из логических противоречий – именно из логических противоречий – не может иметь эквивалента-аналога среди реалий нашей действительности. И что, так называемые противоречия, которые существуют в действительности в форме опять же борьбы интересов и всякого рода конфликтов – не могут быть этим аналогом. Иными словами, мы говорим лишь о том, что ни одно из логических противоречий не может соответствовать ничему такому из мира эмпирически наблюдаемых нами фактов. Но как это, спросите вы? А все достаточно просто. Чтобы ответить на этот

вопрос, как говорится, пойдём от обратного. Предположим, что логическое противоречие все-таки существует в действительности. А, точнее сказать, имеет аналог-эквивалент. То есть, имеет предмет своего приложения среди реалий-предметов нашей действительности. Но тогда возникает резонный вопрос: а как должен выглядеть этот предмет? Исходя из определения противоречия, попробуем этот предмет сконструировать. Выстроить в нашем сознании, а затем спроецировать в мир эмпирически наблюдаемых нами же фактов. И постараться найти его в этих реалиях. В реалиях этого мира.

Как известно, любое противоречие определяется наличием двух диаметрально противоположных (являющихся логическим отрицанием друг относительно друга) суждений об одном и том же предмете суждения, сделанных нами одновременно. Когда мы, например, говорим, что этот конкретный предмет является черным и нечерным одновременно. Когда два предиката-определения-понятия: в нашем случае «черный» и «не-черный», приписанных нами одновременно одному и тому же предмету (субъекту) суждения, являются друг относительно друга логическим отрицанием. Находятся в контрадикторном отношении [6, с.123]. Частица «не» у одного из этих предикатов – говорит нам о наличии логического отрицания.

Далее. Не искушенный в формальной логике читатель вероятней всего скажет: если каждый из этих предикатов выражает (представляет в нашем сознании) какое-то качество или свойство, которое существует реально, то предмет приложения всякого противоречия, его реальный аналог-эквивалент – должен обладать одновременно двумя диаметрально противоположными признаками. Но что означает: «диаметрально противоположными признаками»? Все дело в том, что диаметрально противоположные признаки – не существуют в реальности. В реалиях эмпирически наблюдаемых нами фактов – их попросту нет. Диаметрально противоположными (контрадикторными или, говоря по-русски, противоречащими друг другу) могут быть лишь наши понятия. Наши умственные конструкции рожденные и потому сидящие в нашем сознании. Те самые два понятия, являющиеся логическим отрицанием друг относительно друга. К примеру, опять же «черный» – «не-черный». Почему? Это связано с тем, что в реалиях нашего мира не может быть такого признака, как «не-черный». В реалиях нашего мира существуют признаки: «белый», «оранжевый», «синий», но никак не «не-черный».

Иными словами, понятие-предикат «не-черный» не может иметь и не имеет предмета собственного приложения, в качестве реально существующего признака. Не выражает и не представляет в нашем сознании наличие некоего признака. А как раз говорит об отсутствии признака. О его не наличии. В данном случае – о не наличии признака «черный». Таким образом, правильно будет сказать, что предмет приложения всякого противоречия, его реальный аналог-эквивалент среди эмпирически наблюдаемых нами же фактов – должен иметь какой-либо признак (к примеру, быть черным) и не иметь этот признак (не быть черным) одновременно.

Если мы внимательно оглядимся вокруг, то очень скоро поймем, что такого предмета не существует в реальности. Его попросту нет там, куда бы мы там не заглядывали. И на чтобы не обращали свой взор. А чтобы стала понятной нелепость и глупость подобного рода попыток, приведем лишь наглядный пример. Примером такого предмета послужит материальное тело, которое 3 октября 2014 года, в десять часов пятнадцать минут и восемь секунд по Московскому времени, находилось в конкретной спальне одной из квартир дома номер 17 по улице Горького. При этом оно было черным и не было черным одновременно. Глупо? Нелепо? Конечно, нелепо. А иначе и быть не должно. Глупо даже не просто искать, глупо думать о том, что этот предмет где-нибудь существует вообще, помимо, естественно, наших фантазий.

Итак, логических противоречий не существует в действительности. В том самом смысле, что они существуют в сознании. Только и только в сознании. И в том самом смысле, что ни одно из логических противоречий (существующих в нашем сознании) не может иметь

эквивалента-аналога среди реалий нашей действительности. То есть, не может соответствовать ничему такому из мира эмпирически наблюдаемых нами фактов. А то, чему оно соответствует – просто не существует в реальности. Равно как не существует в реальности противоречащих признаков. Словом, тех самых, которые отрицают друг друга. Являются отрицанием друг относительно друга. Противоречащими могут быть лишь наши понятия, однажды рожденные в форме наших же умственных построений в нашем сознании и потому сидящие в нашем сознании. И потому не понятно, когда, например, говорят, что этот вот признак противоречит этому признаку. Или, что этот вот признак является отрицанием этому признаку. Но еще более не понятно, когда говорят, что какой-то один из реальных предметов противоречит другому предмету реальности. Отрицает его. Это уж, как говориться, совсем непонятно.

Отсюда, кстати сказать, происходит известный пример, приписываемый Гегелю. Не сказать, что всегда, но чаще всего. Приписываемый с маниакальным упорством. С каким-то особенным остервенением. Речь идет, как вы, наверное, догадались уже, о примере с зерном, которое прорастает и отрицается колосом, который затем отрицается множеством народившихся новых зерен. О примере, который впервые привел Ф. Энгельс в своем «Анти-Дюринге». Автор, идущий буквально за Гегелем вслед. Знаменитый пример по причине крайней своей примитивности и крайней убогости мысли, его породившей. Не потому ли сам Энгельс всегда говорил, что этот пример способен понять и ребенок? Гегель до этого вряд ли бы даже додумался, здесь нужен какой-то особый полет какой-то особой фантазии.

Относительно статуса противоречий и сферы их пребывания, а так же причины их появления – существует, как минимум, две основных точки зрения. Точка зрения Канта и Гегеля. Каковы же причины их появления, с точки зрения Канта?

Как известно, с его точки зрения, любое сознание – оно всегда ограничено пределами нашего возможного опыта. И только в пределах возможного чувственного опыта наше сознание может себя чувствовать относительно вольготно, не впадая при этом в противоречия. Иными словами, границы возможного эмпирического опыта – являются границами всякого корректного рассуждения об окружающем нас мире. А всякая деятельность сознания за пределами этой области – лишена основания. И как только мы выходим в своих рассуждениях «за границы возможного опыта» [7, с.7], лишаясь этого основания, лишаясь эмпирической опоры-поддержки, мы тут же впадаем в противоречия. Запутываемся в собственных противоречиях, «погружаясь во мрак» [7, с.7] и попадая в «тиски противоположных доводов» [7, с.292]. Как, например, в своих рассуждениях о конечности и бесконечности мира в пространстве и времени. Сознание, выходящее в своих рассуждениях за границы возможного опыта и, таким образом, несвязанное с чувственным опытом – он называет чистым разумом. «Чистым», в том смысле, что полностью абстрагированным от всяческой эмпирической составляющей. Без примеси этой составляющей.

Итак, любое сознание, выходя в своей деятельности, за пределы возможного опыта, за «приделы всего эмпирического» [7, с.258] – лишено всякого основания и потому заранее обречено на неудачу. Оно обречено спорить с самим же собой и само же себе противоречить [9, с.537]. И это наглядно показано Кантом в его четырех антиномиях чистого разума. Теперь, что касается термина «антиномия». Кант неспроста его выбрал, поскольку он означает именно логическое противоречие, которое, как мы знаем, определяется наличием двух диаметрально противоположных (противоречащих или, другими словами, являющихся логическим отрицанием друг относительно друга) суждений об одном и том же предмете суждения, сделанных нами одновременно. Таким образом, «антиномия чистого разума» – означает логическое противоречие, в которое впадает наше сознание, как только оно переступает границы возможного опыта.

Первая, наиболее известная антиномия, касается рассуждения о конечности и бесконечности мира в пространстве и времени. Почему Кант обращается именно к этой

идее? К идее бесконечности мира? Прежде всего, потому, что идея бесконечности мира – это идея, которая явно выходит за пределы возможного опыта [9, с.537]. И, таким образом, даже не допускает своего соответствия какому-либо «предмету в каком-либо возможном опыте» [7, с.291]. Далее, в первой своей антиномии Кант наглядно показывает, как можно легко – по крайней мере, без видимых затруднений – выстроить доказательство относительно бесконечности мира в пространстве и времени. Но тут же легко доказать и обратное. То есть, конечность мира. Примем, с помощью равных же аргументов. С помощью «столь же веских и необходимых оснований» [7, с.265], может быть «так же хорошо доказано, как одно, так и другое» [4, с.492]. Иными словами, находясь за пределами возможного опыта, с помощью равноценных аргументов, можно всегда доказать одно и прямо обратное. Можно легко впасть в логическое противоречие, выдвинуть и обосновать два диаметрально противоположных суждения об одном и том же предмете суждения. Выдвинуть и признать верным, как одно определение «ограниченность», так и другое – «неограниченность» [4, с.492].

Приведенный выше пример говорит нам о том, что Кант не видит в противоречиях ничего позитивного. Равно как ничего позитивного он не видит и в деятельности чистого разума. В деятельности сознания, выходящего за границы возможного опыта, которое он критикует. О чем, собственно, и говорит название его основной работы: «Критика чистого разума». С точки зрения Канта, наличие противоречия – а, с его точки зрения, противоречия могут быть только логическими – это всегда очень плохо. Это плохо в том самом смысле, что, если противоречие и возникает в нашем сознании – то это всегда говорит не в пользу такого сознания. Говорит об его же ущербности. Оно говорит нам о том, что такое сознание допускает разного рода ошибки. При этом может быть несколько их вариантов. Мы, либо используем в виде двух общих исходных посылок суждения, не отличающихся достоверностью, и потому имеем недостоверное частное заключение в ходе осуществления силлогизма – дедуктивного умозаключения. Либо не обладаем логической строгостью – точностью выведения какого-то заключения из каких-то исходных посылок. Либо в своих рассуждениях чрезмерно подвержены умозаключениями, относящимися к неполной индукции, которые, как известно, носят всегда вероятный характер. То есть, всегда предполагают определенную вероятность того, что заключение, достигнутое в ходе осуществления такой вот индукции, будет недостоверным. Вероятность того, что в результате построения такого вот индуктивного умозаключения мы будем иметь недостоверный вывод...и.т.д. Либо, как было указано только что, выходим в своих рассуждениях за рамки возможного нашего опыта.

С точки зрения Канта, противоречие может возникнуть в сознании. И только в сознании. И оно всякий раз возникает там, как только мы идем ошибочным путем и в результате ошибочных заключений приписываем одному и тому же предмету два диаметрально противоположных определения-предиката. Говорим, что этот предмет является черным и нечерным одновременно. Мы можем сказать так, и это будет ошибкой. Одной из ошибок, с которыми мы постоянно встречаемся в своей повседневной, обыденной жизни. Но ни одно противоречие не может возникнуть в действительности. Ни один предмет окружающего нас мира не может быть черным и быть нечерным одновременно.

Но, если, с точки зрения Канта, противоречие – это всегда очень плохо. То, с точки зрения Гегеля, противоречие – это всегда хорошо. Но почему с его точки зрения, противоречие – это всегда хорошо? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо сказать о принципиальном различии между Кантом и Гегелем в их понимании того, что такое есть мир и что такое сознание. А, точнее сказать, в каких отношениях находится наше сознание и действительность. Сознание с окружающим ее внешним миром. Для Канта мир всего лишь подобен сознанию. А для Гегеля он есть тождественен. Итак, с точки зрения Канта, мир не может быть абсолютно отличным от сознания – он подобен сознанию. Разумеется, здесь речь идет не о мире вещей в себе, которые воздействуют на наши органы чувств и находят свое

проявление в нас в форме явлений. А, скорее, о мире явлений. То, что принято называть окружающим нас миром – для Канта есть не более, чем мир явлений.

Но почему, с точки зрения Канта, мир подобен сознанию? Благодаря пространству и времени. Кант считал, что пространство и время – это не атрибуты мира явлений. И уж тем более не мира вещей-в-себе. Но атрибуты самого же сознания. Его априорные формы. Априорные в смысле доопытные, присущие всем нам с самого, что ни на есть рождения. То есть, врожденные качества. Будучи атрибутом сознания, пространство и время одновременно играют роль таких инструментов. Тех инструментов, посредством которых сознание привносит порядок в наши чувственные восприятия, формирует или, точнее сказать, оформляет мир явлений, одновременно подстраивая мир явлений под самое себя. Иными словами, сознание подстраивает, подгоняет однажды воспринятый материал под свои априорные формы. Однажды воспринятый материал попадает в них словно тесто в формы для выпекания печенья [8, с.128]. И принимает форму предметов и их состояний. Оформление эмпирического материала – означает поэтому, выделение из него отдельных предметов и состояний. Итак, подстраивая мир явлений под самое себя, благодаря своим априорным формам, сознание делает мир подобным себе. То, что мы называем окружающим нас миром – есть лишь мир явлений, подогнанный нашим сознанием под самое себя. Мир, оформленный нашим сознанием. И будучи таковым, он сознанию и подобен [9, с.535].

Но, если Кант говорил, что мир подобен сознанию. И лишь в силу этого он этим сознанием, кстати, и постижим. То, в этом смысле, Гегель пошел еще дальше. Он выдвинул тезис, согласно которому, мир не просто подобен сознанию, он тождественен сознанию. Из этого, кстати, следует известные гегелевские утверждения, что «все разумное есть действительное, а всякое действительное есть разумное». Что «действительность и разум – тождественны». А так же известный принцип, заимствованный Гегелем, по его же словам, у самого Парменида [2, с.265] и сформулированный им как принцип «тождества бытия и сознания» [9, с.537].

Из этого принципа тождества, в частности, следует то, что противоречия существуют в действительности, и что мир полон противоречий. То есть, уже упомянутая ранее мысль, так часто используемая диалектиками. Почему это следует? А все очень просто. Поскольку логические противоречия существуют в сознании, а сознание и действительность – суть то же самое, следовательно, логические противоречия существуют в действительности. Мало того, это – суть те же самые противоречия, которые возникают в сознании, поскольку нет никакого различия между сознанием и действительностью. А есть одно только тождество. И здесь, на этом этапе своих рассуждений, он, что называется, валит все в одну общую кучу: логическое противоречие в нашем сознании, конфликт интересов, международный конфликт, борьбу живых организмов за место под солнцем. Все это отождествляет и называет одним общим словом «противоречие». Оказывается, что нет никакого различия между логическим противоречием и международным конфликтом, или, скажем, борьбой организмов за выживание. Все это – суть одно. Суть то же самое. И это одно, оно-то и служит источником для развития всякого сущего.

Получается так, что нам даже не следует задаться вопросом: каким образом, логическое противоречие, возникающее в сознании, может являться причиной развития всех, к примеру, живых организмов? Поскольку логическое противоречие и борьба всех живых организмов за выживание – это суть то же самое. Поскольку, далее, идеи существуют в сознании, а факты в действительности, а действительность и сознание – суть то же самое, из этого следует то, что идеи и факты не просто друг другу должны соответствовать, они должны быть друг другу тождественны. Они – суть то же самое. Ну, а поскольку противоречия определяются наличием двух диаметрально противоположных понятий-идей, приписываемых нами одновременно предмету суждения, то, в силу тождества идеи и факта, противоречия должны состоять в форме противоречащих друг другу фактов. А именно: в форме диаметрально противоположных, противоречащих признаков, одновременно

присущих одному и тому же предмету. А для того, кому все равно, что понимать нам под фактом: предмет или признак предмета и кто особо не утруждается мыслью – даже в форме противоречащих друг другу предметов. Отсюда, кстати сказать, и происходит уже упомянутый выше пример, который, как было указано выше, весьма знаменит по причине своей примитивности и крайней убогости мысли, его породившей. Речь идет об известном примере с зерном, которое прорастает и отрицается колосом, который затем отрицается множеством народившихся новых зерен.

Далее, поскольку противоречия извечно присутствуют, существуют в действительности в форме противоречащих друг другу фактов, и их вообще нельзя избежать – с ними не нужно бороться. То есть, если по Канту, в противоречиях нет ничего позитивного. А если логическое противоречие и возникает в сознании – где оно только и может возникнуть – то это всегда говорит не в пользу такого сознания. Оно говорит нам о том, что такое сознание допускает логические ошибки, которые следует избегать или, по крайней мере, всегда устранять. То, с точки зрения Гегеля, с ними вообще не нужно бороться. В том самом смысле, что не следует их устранять. Подменяя логическое противоречие Канта своим собственным суррогатом, он говорит нам о том, что, согласно принципу тождества бытия и сознания, противоречия, которые существуют в сознании – это суть те же самые противоречия, которые существуют в действительности в форме противоречащих друг другу фактов. В качестве неотъемлемых атрибутов нашей действительности. Они существуют и существовали всегда. И повсюду. Объясните, как можно бороться нам с тем, что извечно присуще действительности? С тем, что является неотъемлемым атрибутом этой действительности? Очевидно – никак.

Мало того, с ними не только не нужно бороться, к ним следует относиться всегда как к чему-то хорошему. Поскольку противоречие – есть (и будет всегда) источник любого развития. Иными словами, если наше сознание в ходе своего развития проходит, так называемые, диалектические триады, в основе которых заложено логическое противоречие, то, в соответствии с этаким принципом тождества бытия и сознания, мир так же должен развиваться по диалектическим триадам. И в основании этих триад так же должно быть заложено противоречие. Оно-то и есть причина любого развития. Но ведь источник развития – это всегда хорошо. А, если какая-то из философских систем видит в противоречиях нечто плохое, то это, как говорится, проблемы самой этой системы. Все это лишь говорит об одном. Об ущербности данной теории, которая просто не видит или не в состоянии видеть того самого факта, что наше сознание, а вместе с ним и действительность – согласно опять-таки принципу тождества – находится в постоянном развитии [9, с.538].

Отсюда Гегель выводит свое, новое определение метафизики. В противоположность диалектике как теории, которая, с его точки зрения, говорит нам о том, что мир (а вместе с ним и сознание, поскольку они суть тождественны) развивается диалектически. То есть, по диалектическим триадам, в основе которых находятся противоречия (между тезисом и антитезисом каждой из таких диалектических триад). Они-то, противоречия, и служат причиной развития этого мира. Метафизика, с точки зрения Гегеля, есть такая теория, которая всегда стремится рассматривать мир в его неподвижности-статике, свободный от противоречий. Тех самых противоречий, которые, на самом-то деле, и есть источник развития этого мира. И это, кстати сказать, легко объясняет тот факт, почему метафизика видит в противоречиях только плохое. Потому, что противоречия есть источник любого развития, а метафизика против любого развития. Отсюда следует то, что метафизика, если не отрицает, то, по крайней мере, не принимает во внимание тот самый факт, что все в нашем мире изменяется, движется, находится в постоянном развитии.

Итак, взглянув на предмет диалектики более пристально и с большей определенностью, мы, как это для нас ни печально, вдруг обнаруживаем, что и предмета как такового не существует. По крайней мере, в сфере действительности. То, как «работает» диалектика в сфере сознания, нам предстоит еще выяснить. Следовательно, необходимо

перешагнуть через эти пустые конструкции ни о чем и ведущие в никуда. И наконец-то начать думать.

И еще – в отличие от нас всех Канту существенно повезло. Он жил в ту эпоху, когда еще не было диалектики Гегеля. Трудно предугадать, какие бы неприятные для философии и человечества следствия он мог бы извлечь из нее.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гегель Г.В.Ф. Наука логики. М: Мысль, 1999. 1072 с.
2. Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. СПб.: Наука, 1994. Т.1. 350 с.
3. Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. СПб.: Наука, 1994. Т. 2. 423 с.
4. Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. СПб.: Наука, 1994. Т. 3. 528 с.
5. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. М.: Мысль, 1975. Т. 1. 452 с.
6. Ильин И. А. Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека. СПб.: Наука, 1994. 544 с.
7. Кант И. Критика чистого разума. М: Мысль, 1994. 592 с.
8. Клайн М. Математика: утрата определенности. М.: РИМИС, 2007. 640с.
9. Поппер К. Предположение и опровержения. М.: АСТ, 2004. 638 с.

REFERENCES

1. Gegel' G.V.F. *Nauka logiki* [Science of logic]. Moscow: Mysl', 1999. 1072 p. (In Russian)
2. Gegel' G.V.F. *Lektsii po istorii filosofii* [Lectures on the History of Philosophy] . St.Petersburg.: Nauka, 1994. T.1. 350 p. (In Russian)
3. Gegel' G.V.F. *Lektsii po istorii filosofii* [Lectures on the History of Philosophy]. St.Petersburg: Nauka, 1994. T. 2. 423 p. (In Russian)
4. Gegel' G.V.F. *Lektsii po istorii filosofii* [Lectures on the History of Philosophy]. St.Petersburg: Nauka, 1994. T. 3. 528 p. (In Russian)
5. Gegel' G.V.F. *Entsiklopediya filosofskikh nauk* [Encyclopedia of Philosophy]. Moscow: Mysl', 1975. T. 1. 452 p. (In Russian)
6. Il'in I. A. *Filosofiya Gegelya kak uchenie o konkretnosti Boga i cheloveka* [Hegel's philosophy as the doctrine of the concreteness of God and man]. St.Petersburg.: Nauka, 1994. 544 p. (In Russian)
7. Kant I. *Kritika chistogo razuma* [Critique of Pure Reason]. Moscow: Mysl', 1994. 592 p. (In Russian)
8. Klayn M. *Matematika: utrata opredelennosti* [Mathematics: loss of certainty]. Moscow: RIMIS, 2007. 640 p. (In Russian)
9. Popper K. *Predpolozhenie i oproverzheniya* [Conjectures and refutations]. Moscow: AST, 2004. 638 p. (In Russian)

© Воробьев Д.В., 2016

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Воробьев Дмитрий Валерьевич – доктор философских наук, профессор кафедры философии и общественных наук, Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина (Мининский университет), Нижний Новгород, Российская Федерация

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Vorobyov Dmitry V. - Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences, Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University, Nizhny Novgorod, Russian Federation